

КИРА ГОРДОВИЧ
Санкт-Петербург (Россия)

ПУТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА *ГОРОД ГРАДОВ*

Судьба повести А. Платонова *Город Градов* оказалась более благополучной, чем ошельмованного *Усомнившегося Макара* или не пропущенных к публикации *Котлована* и *Чевенгура*. Л. Шубин объясняет эту ситуацию тем, что повесть была воспринята в русле борьбы с бюрократизмом. Антибюрократическая направленность, вместе с тем, не только не исчерпывает содержательный смысл произведения, но и уводит в сторону от главной творческой задачи писателя.

Перечитывая сегодня работы о *Городе Градове* советских лет, можем отметить попытки и в рамках идеологического давления увидеть своеобразие подхода Платонова к теме бюрократизма. Представляется возможным не озвучивать еще раз идеологические оценки и политические обвинения, но попытаться выявить принципы подхода разных исследователей к созданной писателем художественной модели мира и героя времени. В выработке этих принципов по-своему участвовали и критики 20–30-х гг., и авторы работ 60–70-х, и, конечно, современные исследователи.

Не буду в данном случае обращаться к общим работам о сатире (А. Вулиса, Л. Ершова) и к лингвистическим исследованиям. Предметом анализа подходов к интерпретации повести Платонова стали работы разных лет Л. Шубина, Н. Корниенко (Москва), Л. Кройчик, Л. Ивановой (Воронеж), И. Матвеевой (Иваново), Л. Менглиновой (Томск), Н. Ласкиной (Новосибирск), Б. Бобылева (Орел), М. Геллера (написана в эмиграции, опубликована в Москве).

В понимании замысла и путей его реализации бесспорно важны работы исследователей, выявляющих документальные источники текста, связь сюжетных деталей с жизненными реалиями. Особенно значимы в этой связи наблюдения Корниенко, проведенное ею сопоставление редакций повести. Бесценны для воссоздания творческой истории повести приводимые в работе диалоги Платонова и Литвина-Молотова. Исследовательница акцентирует внимание на советах и требованиях учителя и первого редактора Платонова, обращает внимание на те особенности повести, которые явно противоречили официальной идеологии,

пародировали партийные постановления. В работе выделены курсивом вычеркнутые строки из платоновского текста:

Мастеровой воевал, а чиновник победил! Чувствуете, граждане? Так наша цель, я считаю, с честью оправдать историческое доверие пролетариата и стать его достойным заместителем¹.

Бесспорно, важны и интересны обнаруженные Матвеевой тамбовские реалии, характер заимствований из книги краеведа и историка П. Черменского. Автор приводит целый ряд «заимствований», которые в источнике относились к характеристике дореволюционной бюрократической системы. На примере «Города Градова» Матвеева рассматривает и принцип монтажа своих и чужих текстов, и принцип иронического переосмысления материала:

Текст *Градова* буквально составлен из кусочков чужих текстов: докладов, партийных постановлений, лозунгов и призывов, ранних работ самого Платонова, газетных вырезок, местных топонимов, расхожих анекдотов. Монтаж становится в повести не просто художественным приемом, но жанрообразующим принципом².

Почти все, писавшие о *Городе Градове*, подчеркивают необычность изображения бюрократии. О философском смысле Канцелярии, расширении ее до масштабов вселенной писал Шубин:

Оказалось, что в недрах канцелярии возникает, формируется и складывается целая философская школа. Градов предстал перед нами не глухим заштатным городком, где прозябают чудачки провинциалы, а неким центром, в котором бурлит интеллектуальная жизнь, идут философские диалоги и складываются философские системы [...] Мир, понимаемый как канцелярия, и преобразуется, соответственно, бюрократическими способами – реальность дел заменяется реальностью бюрократических установлений, проектов и отчетности³.

Именно *Город Градов* считал Шубин «родиной» платоновской «школы философов»⁴.

Наблюдения Шубина развивала Ласкина, обращая внимание не только на философское отношение к миру, но на собственно мироустройство. Главная особенность этого мира – в неподлинности, мнимости:

Очевидно, что воплощение любого из градовских проектов невозможно: канцелярия не только не нуждается в этом, ее вообще не интересует физический мир, поскольку он более не нужен для поддержания ее существования. В каком-то смысле это начинает напоминать ситуацию гоголевского *Носа*, перенесенную с субъектных и телесных отношений на всю космологию⁵.

---

¹ Н. Корниенко, *История текста и биография А. П. Платонова*, «Здесь и теперь», 1993, № 1, с. 74.

² И. Матвеева, *Тайнопись Андрея Платонова*, [в:] *Потаенная литература. Исследования и материалы*, вып. 4, Иваново 2004, с. 227.

³ Л. Шубин, *Сказка про усомнившегося Макара*, «Литературное обозрение», 1987, № 8, с. 49.

⁴ Л. Шубин, *Градовская школа философии*, «Литературное обозрение», 1989, № 9, с. 22.

⁵ Н. Ласкина, *Человек в бумажном космосе: О герое и матери в «Городе Градове»*, [в:] *Страна философов Андрея Платонова: Проблемы творчества*, вып. 5 Юбилейный, Москва 2000, с. 513.

Вместе с тем, как замечает Геллер, этот мир связан со всей советской государственностью.

Андрей Платонов сочетает в Городе Градове быт и фантастику. Но он добавляет к этой смеси третий элемент – внутреннюю личную заинтересованность происходящим, болезненное чувство обиды человека, обманутого в своих надеждах⁶.

К ситуации подмены, всеобщего замещения обращается и Иванова, подчеркивая, что подлинное и мнимое свободно меняются местами:

Афишируемое на все лады тождество личных и общественных интересов мещанина превращается под пером Платонова-сатирика в документ острейшего разоблачения как градовского государства, так и души его верноподданных. Фальшиво то и другое [...] И все воистину замещено⁷.

Исследователи отмечают сочетание бытового и фантастического, связь созданного Платоновым мира с новой религией. Об особенностях этой религии писали Геллер и Менглинова⁸.

В ряде работ главное внимание уделяется своеобразию героя. Шубин первым сказал о том, что платоновский антигерой – не просто идеолог бюрократии, но философ, создатель «градовской школы философии». Геллер в Шмакове увидел модель нового человека. Ласкина рассматривает Шмакова и как порождение бюрократической системы, и как ее творца. Любопытное наблюдение и обобщение – сам творец пугается созданного им мира (сон Шмакова в подъезде):

Это воплощение шмаковского идеала отчего-то оказывается «кошмарным» для своего же создателя и потенциального обитателя, и читатель в очередной раз встречается с той тенью тревоги, которая неизменно сопровождает всех преобразователей у Платонова – от *Потомков солнца* до *Котлована*⁹.

По наблюдениям Ласкиной, не менее интересным и обладающим большими возможностями является Бормотов:

Существование Бормотова окончательно нивелирует идею искусственности канцелярского мира, его вторичности, так как, во-первых, «естественный» мир тоже, оказывается, сотворен, построен, и строитель его в нем не живет, во-вторых, – отождествление канцелярии с религиозной жизнью, круговорота бумаг с богослужением и т.п. отменяет движение времени¹⁰.

---

⁶ М. Геллер, *Андрей Платонов в поисках счастья*, Москва 1999, с. 115.

⁷ Л. Иванова, *«Город Градов» А. Платонова и проблема авторского идеала*, [в:] *Андрей Платонов. Исследования и материалы*, Воронеж 1993, с. 107.

⁸ Л. Менглинова, *Сатирическое исследование современности в повести А. П. Платонова «Город Градов»*, [в:] *Проблемы метода и жанра*, вып. 19, Томск 1997, с. 250–265.

⁹ Н. Ласкина, *Человек...*, с. 514.

¹⁰ Там же, с. 515.

И при характеристике созданной автором модели, и при выяснении особенностей центрального героя практически все интерпретаторы затрагивали вопрос о традициях. О гоголевских истоках писали Шубин, Ласкина, Кройчик:

Гротескность *Города Градова* не в деталях, не в отдельных сатирических эпизодах, а в принципе изображения действительности писателем, в отношении художника к этой действительности¹¹.

Исследователи соотносили с Гоголем градовский пейзаж, вспоминали мистику приключений Носа. О связях со Щедриным писали Корниенко, Геллер. В работе Геллера вызывает интерес сопоставление с Козьмой Прутковым:

Сходство афоризмов Шмакова с «мыслями и афоризмами» Козьмы Пруткова, твердившего, в частности, что «только в государственной службе познаешь истину», очевидно. Впрочем, А. Платонов заканчивает повесть прямым отнесением к Пруткову: главный градовский бюрократ Бормотов, читая на здании, где раньше помещался губисполком, вывеску «Градовский сельсовет», «не верит глазам своим». Бормотов точно выполняет указание Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазкам своим». Между слугой государства Шмаковым и слугой государства Козьмой Прутковым лежат, однако, не только каких-нибудь 80 лет истории России, но и пролетарская революция октября 1917 года¹².

Почему-то никто не попытался провести параллель с Замятиным и принципами Единого государства. Вместе с тем, были бы интересны некоторые параллели между мыслями Шмакова о порядке и тем, как порядок, регламентация не только действий, но и мыслей осуществляются в антиутопической модели Замятина.

К сожалению, наименее продуктивным, на наш взгляд, оказался опыт «филологического анализа», проведенный Бобылевым. Стремление подвести теоретическую базу на самом деле скорее увело автора от понимания своеобразия платоновского текста. Исследователь начинает уточнение интерпретации с названия повести. Он акцентирует внимание на церковнославянской составляющей – «град», которая, по его мнению, должна вызывать в нашей памяти высокие, патетические ассоциации с «градом Петровым», с «градом Китежем» и даже с «взысканием Небесного града»¹³. Почему-то в данном случае эти ассоциации кажутся надуманными, притянутыми.

Не менее натянутой, неорганичной кажется еще одна «находка» автора – сопоставление кошмарного сна Шмакова, в котором он увидел рельсы («путь в социализм») со стихами Некрасова из *Железной дороги*:

---

¹¹ Л. Кройчик, *Особенности сатиры А. Платонова («Город Градов»)*, [в:] *Творчество Платонова. Статьи и сообщения*, Воронеж 1970, с. 124.

¹² М. Геллер, *Андрей Платонов...*, с. 118–119.

¹³ Б. Бобылев, *Теоретические основы филологического анализа художественного текста*, Орел 2003, с. 182.

Прямо дороженька: насыпи узкие.
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?¹⁴

Естественному в лексиконе Платонова слову «диаграмма» Бобылев придает «сакральный» смысл. Слово взято из отрывка: «Водка расходовалась медленно и планомерно, вкруговую и в общем порядке, оттого и настроение участников ползло вверх не скачками, а прочно, по гармонической кривой, как по диаграмме». Филологические изыски вряд ли проясняют художественную задачу писателя:

Здесь мы вновь встречаемся со случаем самоописания фразы, когда ее форма уподобляется содержанию, высвечивая его суть¹⁵.

И на сегодняшний день наиболее глубокими представляются работы Шубина и Геллера.

Summary

KIRA GORDOVICH

WAYS OF INTERPRETATION THE AUTHOR'S CONCEPTION OF NARRATIVE IN *GRADOV TOWN* WRITTEN BY A. PLATONOV

The narrative *Gradov town* written by A. Platonov attracted attention of many researchers in Soviet and Post Soviet periods. The most interesting approaches to interpretation are revealed in this work: widening of "bureaucracy" and "red tape" meaning; a problem of revolutionary tasks substituted by bureaucrats' victories; a way of traditions' using. Some unsuccessful attempts of philological analysis of the narrative were mentioned.

Key words: State system, traditions, bureaucrat, «red tape», unauthenticity

---

¹⁴ Там же, с. 191.

¹⁵ Там же.